

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПИТЕР АКРОЙД
ТЕМЗА
СВЯЩЕННАЯ РЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

Питер Акройд
Темза. Священная река

«Издательство Ольги Морозовой»

2007

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Вел)-7

Акройд П.

Темза. Священная река / П. Акройд — «Издательство Ольги Морозовой», 2007

ISBN 978-5-98695-038-9

В новом бестселлере «Темза» Питер Акройд приглашает читателя в путешествие по берегам знаменитой реки. Акройд рассказывает, какой ее видели художники, поэты, писатели и музыканты прошлого. Он проходит путь от истоков Темзы до того таинственного места, где она встречается с открытым морем. Это история реки от доисторических времен до настоящего времени. История ее призраков и тайн, ее мостов и набережных. «Темзу» Акройда отличают те же качества, что и книгу «Лондон»: эрудиция, остроумие, тонкие наблюдения. Питер Акройд обладает удивительным даром – находить никем незамеченные детали и писать о них с интонацией волшебника.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4Вел)-7

ISBN 978-5-98695-038-9

© Акройд П., 2007
© Издательство Ольги Морозовой, 2007

Содержание

Список карт	6
I	10
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
II	23
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
III	35
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Питер Акرويد

Темза. Священная река

Посвящается Пенелопе Хор

The Thames – Copyright © Peter Ackroyd, 2007
This edition published by arrangement with
The Susijn Agency Ltd and Synopsis Literary Agency.

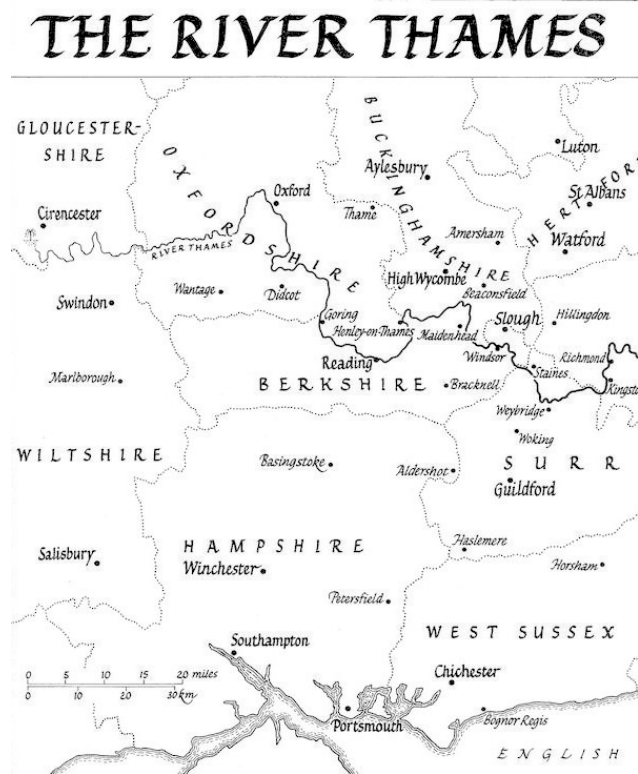
© Издательство Ольги Морозовой, 2009
© Л. Мотылев, перевод, 2009
© А. Бондаренко, оформление, 2009

Список карт

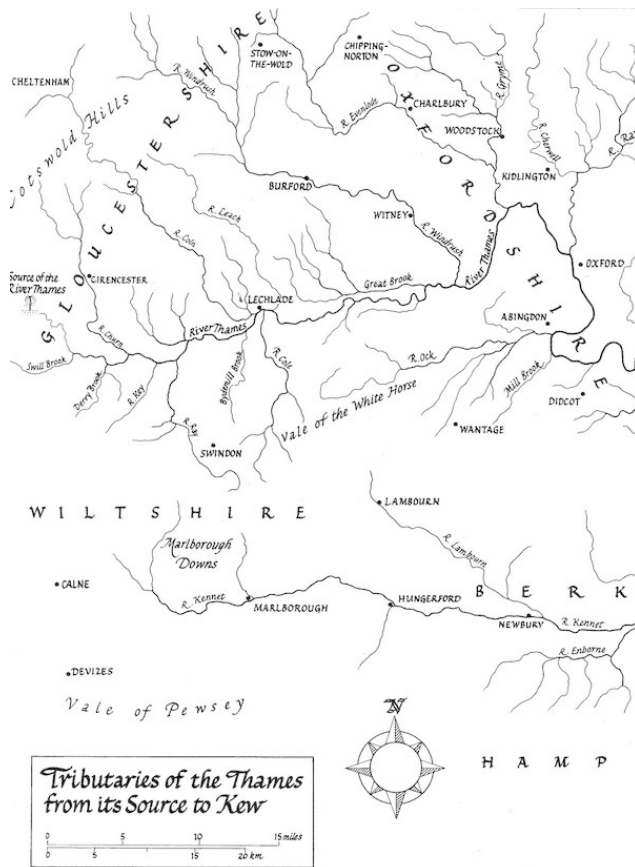
Темза от истока до моря

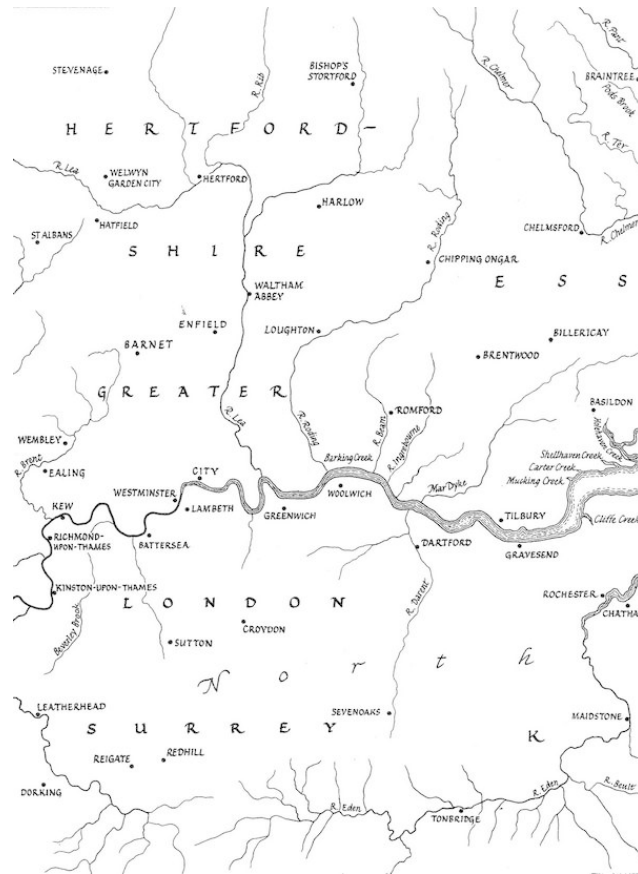
Темза и ее притоки от истока до Кью

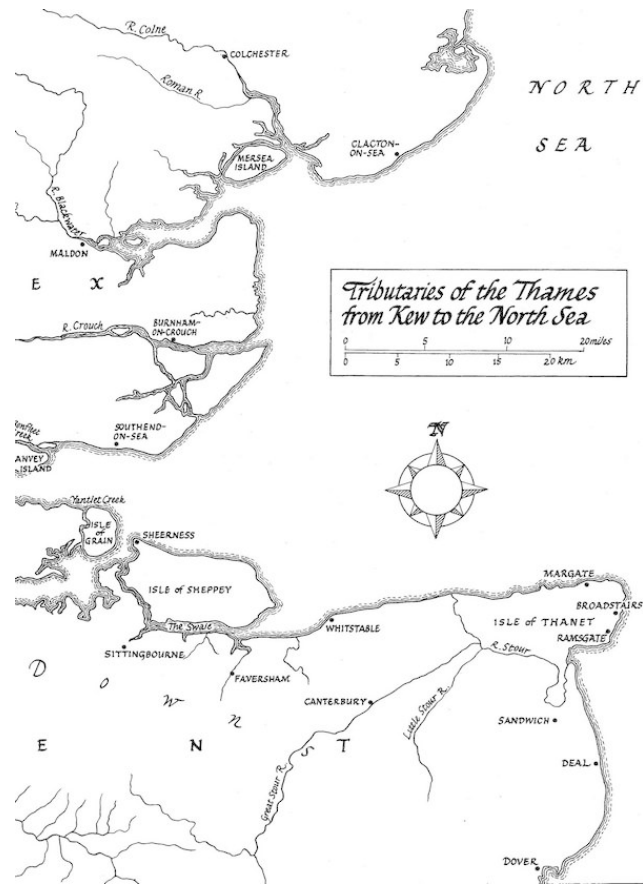
Темза и ее притоки от Кью до Северного моря

FROM SOURCE TO SEA

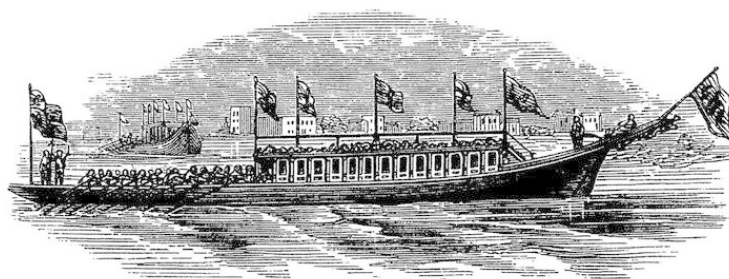

Автор карт – Реджинальд Пиггот
Автор дизайна – Дина Дрейзин

I

Зеркало истории

Церемониальная барка лорд-мэра

Глава 1

Река как факт

Ее длина составляет 215 миль, а судоходна она на протяжении 191 мили. Это самая длинная река Англии, но не Великобритании: Северну она уступает примерно 5 миль. Так или иначе, из всех рек на свете, имеющих славную историю, эта самая короткая. Протяженность Амазонки и Миссисипи – почти 4000 миль, Янцзы – без малого 3500 миль, причем ни одна из этих рек не привлекала к себе такого внимания во всем мире, как Темза.

По Темзе проходят границы девяти английских графств, что подчеркивает ее разделительное и оборонное значение. Она отграничивает Уилтшир от Глостершира, Оксфордшир от Беркшира; ниже по течению она отделяет Суррей от Мидлсекса (или Большого Лондона, как он неэlegantно называется с некоторых пор) и Кент от Эссекса. Она, кроме того, служит рубежом Букингемшира. Темза обороняла эти некогда племенные земли в далеком прошлом, и она останется их хранительницей в обозримом будущем.

Через Темзу переброшено 134 моста, выше Теддингтона на ней устроено 44 шлюза. Сейчас у нее осталось примерно двадцать крупных притоков, тогда как некоторые (например, Флит) убраны под землю. Площадь ее бассейна, откуда она собирает дождевую и почвенную влагу, – приблизительно 5264 квадратных миль. В лесах и около ручьев поблизости от Темзы много родников. Один такой “вечный источник” чистой воды бьет, к примеру, у холмов Сайноден-хиллз в Оксфордшире.

Средний расход воды в районе Теддингтона (эта точка выбрана потому, что в ней кончается действие приливов) составляет 5205 млн литров в день, или примерно 56,6 кубометров в секунду. Скорость течения колеблется между 0,5 и 2,75 миль в час. Главный напор воды приходится на так называемый тальвег – самую глубокую часть русла; но ее движение нельзя назвать ровным и поступательным, оно скорее спиралевидное и подвержено воздействию всевозможных поверхностных и придонных потоков. Более 95 % энергии реки теряется вследствие турбулентности и трения.

Нечего удивляться, что направление Темза выбирает прихотливо, по-донкихотски. Предположительно ее водам следовало бы двигаться на восток, но она посрамляет все примитивные предсказания. Выше Хенли и близ Теддингтона она течет на северо-запад, выше Абингдона – на запад, от Кукема – на юг, выше Марлоу и Кингстона – на север. Темза хоть и не вьется, как Евфрат, где, по словам Геродота, твое судно трижды за три дня подходит к одному и тому же селению, но все же петляет изрядно. Путешествие вдоль нее оказывается в два-три раза длиннее, чем по дороге. Так что Темза учит тебя не спешить, учит посмотреть на мир с иной точки зрения.

Среднее падение реки по всему ее протяжению составляет 432–533 мм на милю. Подчиняясь силе тяжести, вода неизменно ищет простейший путь к морю. Перепад высоты между истоком и устьем – 183 м, причем на первых 9 милях спуск довольно крутой (91,5 м), на следующих 11 милях – 30,4 м, а дальше уклон реки уменьшается. Но усредненные величины не так уж важны: они маскируют переменчивость и своеобразие Темзы. Средняя ширина реки – 1000 футов (305 м), средняя глубина – 30 футов (9 м); но ширина варьируется от 1–2 футов близ Трусбери до 5,5 миль в районе Ширнесса.

Приливы и отливы – это, по словам Теннисона, “движение во сне, слишком наполненное, чтобы шуметь и пениться”. Прилив сулит порой выгоду, порой опасность; отлив намекает на расставание и приключение. Всякий раз это одно общее перемещение воды, но оно включает в себя тысячи разнообразных потоков и завихрений; возникают разнонаправленные течения, и наивысший уровень реки не всегда соответствует окончанию прилива. Вода порой начинает спадать раньше. Средняя скорость приливных течений – между 1 и 3 узлами (1,15–3,45 миль

в час), но иногда она может достигать 7 узлов (8 миль в час). В районе Лондонского моста прилив продолжается почти шесть часов, отлив – шесть с половиной. По сравнению с прежними временами приливы сейчас заметно усилились. Разница между наинизшим и наивысшим уровнями воды за сутки может составлять 7,3 м; у Лондонского моста она колеблется между 4,5 и 6,7 м. В период римской оккупации – 2000 лет назад – она составляла всего 0,9 м.

Причина проста. Юго-восток Англии постепенно погружается в море со скоростью примерно 305 мм за столетие. В 4000 г. до н. э. окрестности Темзы располагались на 14 м выше, чем сейчас; в 3000 г. до н. э. – на 9,4 м выше. В соединении с эффектом таяния полярных льдов это приводит к тому, что уровень прилива в нижнем течении Темзы повышается со скоростью 0,6 м за столетие. Вот почему сооруженный не так давно Барьер (плотина через Темзу) не обеспечивает полной защиты от наводнений и уже слышны предложения о строительстве новой плотины.

Прилив, как известно, обусловлен взаимным расположением Земли, Луны и Солнца. Максимальный уровень прилива достигается через два дня после полнолуния, минимальный (“квадратурный”) – посередине между полнолунием и новолунием. Самые высокие приливы бывают поблизости от равноденствия; это наиболее опасные периоды для тех, кто живет и трудится около реки. Угрозу представляют также высокие приливы поздней осени и ранней весны. Неудивительно, что в древности люди, жившие на берегах Темзы, обожествляли реку и старались ее умиловить.

Нынешний вид этих берегов разнообразен, хоть и не поражает взгляд яркой живописностью; около воды попеременно теснятся атрибуты старины и современности. Во многом Темза сейчас – одомашненная река, над приручением и усмирением которой трудилось много поколений. В этом смысле она – отчасти искусственное образование, крупные куски ландшафта вокруг которого сознательно спланированы так, чтобы гармонизировать с водной гладью. Можно было бы написать историю Темзы как произведения искусства.

Эта работа все еще продолжается. После того, как Темзу сдвинул на юг последний ледниковый период, она уже десять тысяч лет течет по одному и тому же руслу. У Сайноден-хиллз по берегам по-прежнему заметны британские и римские земляные насыпи, что замечательно, если учесть разрушительное действие проточной воды. Уровень реки менялся на протяжении тысячелетий – например, во времена англосаксонского завоевания случился внезапный подъем. Свидетельствами затопления служат обнаруженные остатки ушедших под воду лесов. Вид Темзы тоже, конечно, не остался неизменным, она лишь недавно стала сравнительно глубокой и узкой, и тем не менее сохранность во времени и верность своему характеру – один из важных источников ее силы.

При этом, разумеется, каждому ее участку присуще собственное лицо и атмосфера, своя история. Противоположности рождают энергию, контрасты – красоту. Сам состав воды от истока до устья весьма различен: чистая и пресная в верхнем течении, она становится солоноватой в эстуарии и весьма соленой вблизи моря. Вследствие вихревых потоков вода у северного берега более солоната, чем у южного. Облик Темзы в районе Лечлейда и Баттерси, Хенли и Грейвзанда совершенно разный: безмятежность верхнего течения контрастирует с беспокойными завихрениями длинных лондонских участков. После Нового моста река, словно предвидя перемену, становится шире и глубже.

Сельский пейзаж тоже переменчив: плоские открытые участки стремительно чередуются с лесными, и возделанные поля Дорчестера совершенно не похожи на густые леса Кливленда. Ниже Годстоу речные берега становятся местом отдыха: сплошное веселье, жизнерадостность, ялики и плоскодонки, водно-спортивные состязания в Порт-Медоу, пикники у воды близ Бинзи. Но дальше происходит некая перемена колорита: все делается темно-зеленым, река окружена растительностью, как в джунглях, а затем с воды становятся видны здания Окс-

форда, и Темза опять преобразается. Оксфорд – разделительная точка. Отсюда можно взглянуть вверх, на тихий исток, можно вниз, на грядущую лондонскую огромность.

Перед Лечлейдом река течет через безлюдные пастбища; в Уоппинге и Ротерхайте здания теснятся так, что, кажется, едва не падают в в воду. Темза равно питает сельское и городское начала. Вот почему одни участки реки навевают покой и забвение, другие рождают тревогу и отчаяние. Это река сновидений и вместе с тем река самоубийств. Ее потому называли текучей историей, что она растворяет и несет в себе все эпохи и все поколения. Они движутся, завихряясь, подобно воде.

Глава 2

Река как метафора

Река течет и сквозь наш язык, и мы говорим о ее воздействии в любом мыслимом контексте. О ней вспоминают, когда речь заходит о жизни и смерти, времени и судьбе; она служит метафорой непрерывности и растворения, обволакивающей близости и мимолетной эфемерности, искусства и истории, поэзии как таковой. В “Принципах психологии” (1890) Уильям Джеймс впервые употребил термин “поток сознания”: “всякий отчетливый образ, рождаемый разумом, погружен... в свободно обтекающую его струю”. То есть наше сознание подобно реке. Но река с ее глубиной, с ее невидимой подводной жизнью ассоциируется и с миром бессознательного.

Река – символ вечности, говорящий о нескончаемом цикле движения и перемен. Это один из немногих обобщенных символов, которые нам легко понять и оценить, и в непрерывном водном потоке ум и душа способны разглядеть намек на возможность нашего собственного бессмертия.

В поэме Джона Денема “Куперз-хилл” (1642) Темза – метафора человеческой жизни. Робкое начало, уверенное продолжение и неизбежность впадения в великий океан:

Торопится отдать дань морю,
Как смертная жизнь – встретиться с вечностью¹.

В стихах, посвященных Темзе, всегда подчеркивалась ее связь с человеческими нуждами и человеческими реальностями. Чистота ее истока сменяется широким извилистым руслом коммерческой жизни. В младенчестве река невинна, прозрачна и незапятнанна. Приближаясь к большому городу, она делается гнилой и грязной, ее оскверняют жадность и спекуляция. Этот регресс перекликается как с бытием отдельного человека, так и с историей человечества. Но река имеет одно огромное преимущество перед своими метафорическими подобиями. Ее воды возвращаются к истоку и могут очиститься от скверны. Вот почему люди некогда инстинктивно связали с рекой обряд крещения. Темза была символом искупления и обновления, символом надежды и избавления от времени как такового.

Глядя на реку во время отлива, когда “могучее сердце” Лондона “лежит спокойно”, Вордсворт использовал метафору человеческого кровообращения, уподобил речную воду пульсирующей в городских артериях крови, без которой лондонская жизнь остановилась бы. Сэр Уолтер Рэли, созерцая Темзу во время прогулки в Тауэре, где он был заточен, заметил, что “кровь, коя ветвями сосудов по всему телу растекается, подобна водам, несомым ручьями и реками по земле”. Свою “Историю мира” (1610) Рэли написал в тюремной камере, и ощущение Темзы как символа человеческой судьбы переполняло его. Река ассоциировалась с разворачиванием событий во времени, с бременем прошлого, которое она словно бы несет на своих плечах. Рэли чувствует, что груз времени по мере его течения оказывается все более сложным и отягчающим; жизнь людская становится темней и глубже, делается менее чистой и более восприимчивой к приливам и отливам обстоятельств. Однако Рэли в своей “Истории” приметил и отличие: “сей прилив жизни человеческой, после того как сменился неизменным отливом и упадком, никогда более не возвращается”.

Темзу, кроме того, воспринимали как зеркало нашего характера, нашей нравственности. Клонящиеся ивы и тростники давали уроки кротости и терпения; скромной траве, растущей

¹ Подстрочный перевод. (Здесь и далее – *примеч. перев.*)

вдоль берегов, воздавали должное за отсутствие всякой напыщенности. И кто из пустившихся по реке в плавание не познал ценность терпения, выносливости, бдительности? Джон Денем выводит разговор на новый уровень:

Ты глубока, но чиста; спокойна, но не скучна;
Сильна без ярости; полна, но не переполняешься².

Приходит на ум, что река воплощает в себе английскую меру, эстетическую гармонию, которой мы желаем и ищем; более того – Денем, кажется, видит в ней символ английского характера как такового. Темза – метафора страны, по которой она течет. Она скромна и умеренна, спокойна и уверена в себе; она сильна, но без буйства. В ней нет ничего ослепительного. Она велика, но не огромна. Она чурается крайностей. Она течет по своему извилистому руслу без искусственных отклонений и вмешательств. Она полезна во всех отношениях. Это практичная река.

Когда Роберт Мензис, дважды избиравшийся премьер-министром Австралии, приехал в Раннимид, он упомянул о “тайных ключах”, питающих “неспешный английский характер”. Это отождествление характера земли и воды с характером населяющих страну людей остается содержательным. Есть глубинная и тесная связь между рекой и теми, кто живет на ее берегах, пусть даже эта связь не всегда осознается.

В некотором смысле поэтому Темза дает образ нации, где мягко соединены земля и вода, согласованы друг с другом несхожие регионы. Она способствует росту и распространению единой культуры. Она творит гармонию из того, что кажется дисгармонией, и одним этим больше сделала для английского начала, чем любая другая национальная принадлежность.

Идеализированные образы английской жизни с крытыми тростником домиками, лужайками посреди деревень, утиными прудами и обнесенными живой изгородью полями происходят от окрестностей Темзы. Река служит источником нескончаемых мечтаний об “английскости”. Стоит только приехать в Кукем, в Пангборн, в Стритли или в один из сотен других мелких населенных пунктов вдоль Темзы, чтобы понять идущую издавна важность реки в формировании национального лица.

Темза была и дорогой, и границей, и маршрутом атаки; она была игровой площадкой и канализационной трубой, источником воды и источником власти. Она была, пользуясь римским понятием, “публичной” рекой, но могла вместе с тем дарить глубокое личное довольство. Ее сила имеет и частный, и исторический аспект. Джон Килл в “Исследовании соображений о теории Земли” (1699) пишет о реках, что “без них не может быть ни больших городов, ни сообщения с отдаленными внутренними областями, ибо помимо рек почти невозможно снабжать великие множества людей всем необходимым для жизни”. Темза сотворила цивилизацию в этих краях. Она сформировала Лондон.

Вот почему о ней писали как о некоем музее английского начала. Она заключает в себе историю нации: Гринвич и Виндзор, Итон и Оксфорд, Тауэр и Кентерберийское аббатство, Сити и королевский двор, Лондонский порт и Раннимид... В этом смысле она – великий объединитель. Она говорит от лица всего сообщества борющихся за свои частные интересы людей, которые жили и живут подле нее. Кроме того, она, особенно в верхнем течении, представляет идеализированный и гармонизированный пейзаж страны. Она вдохновляла английских поэтов. Ее неоднородность и многообразие великолепно отвечают национальному вкусу:

Многоразличные почвы, беспредельные удовольствия,
Жар, не убивающий прохладу, и холод, не изгоняющий тепла...

² Подстрочный перевод.

Не слишком краткое лето, не слишком долгая зима³.

Так Майкл Дрейтон пишет о Темзе в “Полиольбионе” (1612). Следует добавить, что она осталась сравнительно неиспорченной. За последние две тысячи лет с ней не произошло значительных изменений.

На немалом протяжении ее берега пустынно и малолюдны. И сейчас можно пройти вдоль нее по тропке несколько миль и не встретить ни одного человека. Районы истока и устья сходны по безлюдью. Река выражает здесь идею бегства от мира “берегом, под сенью ив”. Поэтому она слывет источником покоя, освобождающего от суеты. Мэтью Арнолд сказал о Темзе близ Стейнза, что “ее очарование – в полном уединении”. Остров Кэнви в ее устье в свое время назвали “самым одиноким местом в графствах, примыкающих к Лондону”.

³ Подстрочный перевод.

Глава 3

Речное время

Она – *сама* история, историческая река, близ которой произошло большинство важных событий английской жизни за последние две тысячи лет; но это также и река как история.

Чем ближе Темза подходит к Лондону, тем более исторической она становится. Такова ее внутренняя природа. Она отразила карнавальное шествие веков. Ее история – это, конечно, история Англии, или, точнее, история бриттов и римлян, саксов и датчан, норманнов и всех прочих пришлых людей, решивших поселиться на ее берегах. Около нее цвели искусство и цивилизация. Каждое поколение понимало ее по-своему, и поэтому она век за веком накапливала смыслы. Мало-помалу она стала эмблемой национального характера. Судьба Англии неотделима от судьбы этой реки. Легенды утверждают, что она дает острову энергию. Дарит ему плодородие.

Никто не будет отрицать важнейшее значение Темзы для Лондона. Она принесла с собой торговлю, а вместе с ней – красоту, грязь, богатство, нищету и достоинство. Лондон не мог бы существовать без Темзы. Вот почему она всегда занимала центральное место в жизни Англии и вполне может претендовать на то, чтобы называться самой исторически значимой (и уж точно самой богатой событиями) рекой на свете. Проплыв по Темзе или пройдя вдоль нее пешком, можно больше узнать о человеке, чем в любом длительном путешествии через мировые океаны. Однако вода – зеркало. У нее нет своей формы. У нее нет собственного смысла. Так что по сути своей Темза – отражение обстоятельств: геологических или экономических.

Однако есть взаимосвязи, которые говорят о некоей глубинной, завораживающей жизни. Почти повсеместно тут были человеческие поселения того или иного рода. Река была центром человеческого бытия со времен первого появления здесь людей. Поэтому ей мы обязаны идеей человеческой общности. Это одно из самых благотворных ее свойств, столь глубоко ей присущих, что мы его почти не замечаем. Одни и те же способы сельского хозяйства применялись на ее берегах от Бронзового века до середины XIX столетия. Луга косили косами, глинистую землю распахивали плугом; сеяли пшеницу, потом жали ее серпами. В августе срезали тростник, чтобы крыть крыши; для зимнего обогрева собирали торф и хворост. Эти древние и долгоживущие виды деятельности воздействовали на пейзаж Темзы и вместе с тем сами подвергались его воздействию. Нынешние линии земельного раздела и границы полей – прямое наследие наших доисторических предков. Техника каменной кладки без раствора насчитывает примерно шесть тысяч лет. Река дарит людям глубокое ощущение оседлости и принадлежности.

Время дает здесь себя знать весьма любопытным образом. Темза существует не в человеческом времени, а в геологическом. Размытые и нечеткие фигуры на ранних фотографиях – это ее жрецы, уже уплывающие в незримость. В книге “Историческая Темза” (1914) Хил-эйр Беллок пишет, что “можно пустить человека XV столетия плыть по реке ниже шлюза св. Иоанна, и до самого Баскотского шлюза ему будет невдомек, что он попал в другую эпоху”. Джон Бечмен всю Темзу выше Оксфорда назвал “средневековой”, и в некотором смысле она остается вечным напоминанием о минувших временах. Есть старинный стишок:

Пускай колокола звенят везде —
Какое дело тем, кто на воде?

Люди реки пребывают в речном времени, которое находится в глубоком родстве с миром, существовавшим до возникновения самого понятия о времени. Может быть, следовало бы назвать это состояние вневременным. Это некое вечное настоящее – единственная, по словам

философов, реально существующая часть времени. Но если задержать этот поток, он перестанет быть собой.

При этом, что интересно, воду использовали для измерения человеческого времени. Водяные часы, или кlepsидра, употреблялись уже много тысячелетий назад, и первое такое приспособление было просто-напросто сосудом с продырявленным дном. Между тем Темза может в некотором смысле претендовать на то, чтобы быть “местом, где начинается время”: ведь через Гринвич, находящийся на ее берегу, проходит нулевой меридиан. Большой красный “шар времени”, сооруженный в 1833 году, поднимается на шесте над башней Обсерватории и резко падает ровно в час дня, сигнализируя о точном времени по Гринвичу. Большие лондонские часы тоже находятся у реки. Предшественницей Биг-Бена была “высокая остроконечная башня” во дворе старого дворца в Вестминстере. По словам историка XVI века Джона Стоу, это была “каменная башня с часами, кои громко отбивают всякий час... В тихую погоду бой сих часов слышать во граде Лондоне”. Огромные часы имеются и на здании концертна “Шелл-Мекс”. Так вечная река входит в мир людей.

Течение Темзы некогда вызвало к жизни и другой временной ритм. Монастырь бригиттинок в аббатстве Сайон и картезианский монастырь Чартерхаус стояли друг напротив друга на разных берегах Темзы, и король Генрих VI повелел, чтобы “немедля по окончании службы в одном монастыре она начиналась в другом и так продолжалось до скончания времен”. Эти непрерывно возносимые молитвы – духовный образ текущей меж них воды. Темза может служить символом как времени, так и вечности, быть таким двуликим Янусом, похожим на изваянные головы на мосту Хенли-бридж, глядящие и вверх и вниз по течению. В своей книге “Юная Темза” (1909) Фред Теккер сказал об этом вот как:

Древняя река, никогда не меняющаяся,
Символ вечности,
Скользящая вода, постоянно исчезающая,
Зеркало непостоянства⁴.

Это – неизменный парадокс.

Один отрезок реки, сам по себе малозаметный, может восприниматься как микрокосм национальной жизни. В Brentфорде есть место, где в свое время была переправа. Чуть выше по течению, на северном берегу, находится участок, который несколько столетий называли просто-напросто “Старая Англия”; теперь он обозначается на картах как “Старый Brentфорд”. Совсем близко отсюда в 54 году до н. э. Кассивеллан бился с Цезарем. Здесь же 834 года спустя Оффа Мерсийский держал совет со своими епископами. Здесь же в 1016 году Эдмунд Железный Бок отбросил войско датского короля Кнута на ту сторону Темзы. Здесь же в 1642 году войско Карла I сражалось с армией парламента. Если существуют приречные места, густонаселенные духами прошлого, то вот вам одно из них.

Может быть, именно поэтому движение речной воды часто приводило на ум движение самой истории. Темза вызывает к жизни идеалы прошлого, которые втекают в настоящее и идут к будущему. Когда Тернер, держа на коленях этюдник, плыл по Темзе, река подвигла его на то, чтобы изобразить на ее берегах Дидону и Энея, Помпея и Корнелию и других персонажей мифического и классического прошлого. Не вызвало бы большого удивления даже внезапное появление среди прибрежных тростников верхней Темзы матери Моисея или фараоновой дочери. В здешней воде есть нечто от этой древности.

В иных тернеровских этюдах чувствуется внезапный порыв вдохновения, спонтанная импровизация в миг, когда на бумагу просятся все силы речного мира. На ней порой даже

⁴ Подстрочный перевод.

видны дождевые брызги, что подчеркивает погружение художника в природу, в “здесь и сейчас”. Но в некоторых своих оконченных полотнах Тернер дает образы Темзы, которые не назовешь иначе как вневременными. Персонажи пасторальных мифов населяют здесь пейзаж, навеянный классикой. Темза при этом узнаваема: вот окрестности Ричмонда, а вот Виндзор.

Темза содержит в себе все времена. В начале романа Уильяма Морриса “Вести ниоткуда” (1890) рассказчик плывет по Темзе, и река переносит его в далекое будущее. “Какая чистая вода сегодня утром!” – восклицает он. Даже в юмористической книге Джерома К. Джерома “Трое в одной лодке, не считая собаки” (1889) повседневная жизнь конца XIX века на время уходит в сторону, и рассказчик попадает в мир начала XIII столетия. Трудно найти роман или исследовательскую книгу о реке, где не возникла бы греза о прошлом. Темза даже в Лондоне оказывает на человека особое меланхолическое воздействие, уводящее в былые времена: стоя темной ночью на набережной, невольно воссоздаешь нависающие над водой очертания прежнего города. Река – самое старое, что есть в Лондоне, и она не меняется совсем.

25 марта 1952 года Фрэнсис Ноэл-Бакстон, пэр Англии и почитатель реки, решил проверить свою теорию, согласно которой римляне перешли Темзу вброд в районе нынешней Вестминстерской набережной. Надеясь, что под илистым, закручивающимся водоворотами потоком по-прежнему существует некая тропа, он двинулся через реку пешком во время отлива. Глубина, по его оценке, должна была составлять 1,5 м, тогда как его рост равнялся 1,9 м. Но Темза обманула его ожидания. После второй опоры Вестминстерского моста он ушел под воду и оставшийся путь вынужден был проплыть. Река оказалась более глубокой и скрытной, чем он воображал. Так или иначе, лорд Ноэл-Бакстон называл себя “поэтом-археологом” и стремился представить себе реку и ее окрестности, какими они были раньше. Он видел болото, на котором были выстроены здания Вестминстера, перечислял некогда росшие там растения; он рисовал в воображении дворец Кнута и маленький саксонский монастырь, на месте которого потом возникло большое аббатство. Это было своего рода поэтически-археологическое “прочесывание местности”, при котором тому, у кого зрячие глаза, открываются следы прошлого.

Не случайно существует такой вид дивинации, как гидромантия, или “чтение” воды. Мысли человека, стоящего у реки, кажется, должны с неизбежностью обращаться и к будущему, и к прошлому; их может увлекать с собой течение как таковое, но есть у реки, кроме того, некое внутреннее свойство, побуждающее мысли к разнонаправленному движению особого рода. Имеется одно старое, но ходовое выражение, связанное с рекой: *suspended in time*⁵, что подразумевает еле заметное покачивание взад-вперед. Это почти неощутимое колебание между двумя мирами – между ожиданием и воспоминанием. И, разумеется, когда долго смотришь в одну точку – так, что она словно бы отделяется от потока, – иной раз время останавливается. Что это за состояние? Можно ли сказать, что ему присуще некое вневременное качество? Или это всего лишь отсутствие качеств, пробел, которому нельзя дать никаких характеристик? С такой дилеммой сталкиваешься, глядя на картину Тернера “Темза близ Итона”, выставленную в 1808 году, где сумрачные водные массы вбирают в себя закатный свет и оставляют окружающий мир более темным, чем оставляло бы его любое естественное отражение.

Стоит отметить, что, отправляясь в путь по реке, ты в некотором смысле отделяешь себя от обыденного мира, как если бы, перейдя границу между землей и водой, ты пересек и некий иной рубеж. Опять-таки возникает чувство “подвешенности”. Не исключено, что ты перешел в какое-то другое время или, по крайней мере, начал по-новому его ощущать. Для некоторых, конечно, радость от возможности “войти” в реку связана с ощущением избавления от времени как такового. Все сходятся на том, что люди, живущие близ Темзы, склонны к фатализму, к смирению перед своенравной натурой реки, которая в любой момент может вторгнуться в их жизнь. Они тоже на коротке с иным уровнем времени и быстротечности.

⁵ Буквально: подвешенный во времени (англ.).

Но время изгибается, скручивается. Река вьется и петляет. Спирали внутри потока, то поднимающиеся к поверхности, то опускающиеся к самому дну, – символ временной турбулентности. Река удлинняет время. Идущий приречной тропкой живет в ином времени, нежели тот, кто проезжает в автомобиле или поезде по мосту. Река убеждает нас, что время подразделяется на зоны. Изгибаясь столь прихотливо, то к северу, то к западу, она рискует потерять себя в лабиринте, который сама же создала. У острова Пентон-Хук между Чертси и Стейнзом река делает петлю длиной в полмили, преодолевая при этом по прямой расстояние всего в 18 м. Часы тут бесполезны. Близ Блэкуолла Темза пересекает меридиан трижды, что подчеркивает ее своеволие.

Река течет столетие за столетием, но, разумеется, она не вечна. Ее не станет, когда не станет всего нашего мира. Однако по человеческим меркам это самое близкое, что только может быть, к нескончаемому процессу. В стихотворении Теннисона “Ручей” (1853) поток говорит:

Людская жизнь так коротка,
Я ж буду течь вовеки.

Но это ощущение может породить у человека смутную тревогу. Река текла еще до возникновения людей, которые с самого начала непрестанно с нею сражались: переходили ее вброд, наводили мосты, плавали по ней, укрощали ее, перекрывали ее плотинами, меняли ее русло – и знали при этом, что река перетерпит все. Она будет струиться бесконечно.

Четвертому герцогу Куинсберри, которого прозвали “старым Кью”, надоело смотреть на Темзу из окна своего дома в Ричмонде. “Да что в ней такого, скажите на милость? – брюзжал он. – Течет, течет, течет, вечно одно и то же”. Лонгфелло писал, что на большой реке “медлительные годы плыли мимо и исчезали”. Те, кто хорошо знает Темзу, ходят неторопливо. У нее есть участки, где вода течет как бы неохотно. Индустриальная революция обошла в свое время Темзу стороной, промышленные предприятия возникли на ее берегах только после Первой мировой войны. В верхнем течении Темзы все еще различимы следы архаической сельской жизни. Некоторые деревни – например, Лечлейд и Криклейд, – словно бы законсервировались в своем преклонном возрасте, как будто находясь в скрытом союзе с рекой, которая всегда им служила. Кеннет Грэм, сотворивший мифологию Темзы в книге “Ветер в ивах” (1908), заметил об одной приречной деревне, что в ней царят “святое спокойствие” и “природная дремотность”; тот, кто бродит по берегу, – “бездельник”, чья душа вольно летит “сквозь золотые просторы воображения”. Для многих это – естественное состояние человека, прогуливающегося берегом реки. Высвободившись из мира дней и часов, он парит среди грез. Тот, кто предается мечтаниям у реки, может мечтать как о будущем, так и о прошлом.

Но, когда речь идет о жизни Темзы, определить, где начало и где конец, не так-то просто. Понятие гидрологического цикла, круговорота воды между рекой и морем создает проблему для тех, кто существует в линейном времени. Можно ли сказать, что Темза где-либо кончается? И если да, то где он, этот конец? Теоретически говоря, ее конец – это точка, в которой она начинается вновь. Бесперывно двигаясь вперед, она в то же время течет назад. Исаак Розенберг написал о Стэнли Спенсере, создавшем много изображений Темзы близ Кукема, что “от его полотен исходит то переживание вечности, то ощущение безначальности и бесконечности, какое рождают в нас все шедевры”. Можно предположить, что этой “безначальностью и бесконечностью” Спенсер обязан проживанию около реки. Он писал сцены библейской древности в антураже XX века. Нескончаемая жизнь Темзы наводит на мысль, что природа всего на свете циклична.

Вот почему будущее реки часто описывали в терминах ее давнего начала. Шелли предсказал однажды, что “вокруг опор моста Ватерлоо образуются камышово-ивовые островки, и на пустую реку будут бросать зазубренную тень обломки арок”. В антиутопии Ричарда Джеф-

фериса “После Лондона” (1885) Темза будущего названа “огромным застойным болотом”. В картинах грядущего, которые мы себе рисуем, часто возникает Темза, вернувшаяся к некоему первобытному состоянию, причем неявно предполагается, что в каком-то смысле она всегда оставалась первобытной. Начало реки содержится в ее конце. Историк Томас Бабингтон Маколей изобразил разрушенный мир будущего, когда “некий приезжий новозеландец... посреди громадного безлюдья, стоя над уцелевшей аркой разбитого Лондонского моста, будет зарисовывать развалины собора св. Павла”. Здесь река становится центром какого-то античного, почти первобытного мира поверженных камней.

Если река бросает вызов понятию времени, то она также, кажется, ставит вопросы о соотношении времени и пространства. Является ли сопутствующее пространство – берег, исток, – принадлежностью реки? Можно ли вообще говорить о ее пространственном контексте? Ведь она – непрерывный свободный поток. Можно ли, например, создать прозрачную скульптуру реки, какой она является в данную наносекунду? Вряд ли. Тогда каково ее тело? Как определить ее объем?

Уильям Моррис владел двумя домами у Темзы. Один, в Хаммерсмите⁶, назывался Келмскотт-холл, и его сад выходил на Темзу. Другой дом располагался в деревне Келмскотт близ Лечлейда. Моррис с удовольствием думал о том, что вода, протекающая под его окном в Хаммерсмите, уже побывала около его сельского жилища. Само пространство, таким образом, становится как бы текучим, бесконечно пластичным. Для Морриса два места на земле, отстоящие друг от друга более чем на сто миль, наделены единым очарованием. Тут, может быть, кроется объяснение тому, что писатели и мечтатели, жившие у реки, такие, как Льюис Кэрролл, неизменно отличались гибким отношением к размерам и расстояниям. Они могли сделать их крохотными, могли – непомерно большими.

Но не ошибся ли Моррис, считая, что в Хаммерсмите и Лечлейде течет “одна и та же” вода? Есть основания говорить, что вода в реке вечно обновляется, и это метафизическое утверждение можно подкрепить любопытными физическими фактами. Темза на участке от Лечлейда до Теддингтона (здесь она не подвержена действию приливов) содержит примерно 20450 млн литров воды. Общий объем осадков в этом регионе оценивается цифрой 19 820 млн литров. Итак, это новая вода, вечно циркулирующая, вечно очищающаяся, вечно восполняющаяся. Но на эту “новизну” бросает странный свет другой интересный статистический факт. Одна капля дождевой воды, выпавшей в районе холмов Котсуолдс, будет, прежде чем достигнет моря, выпита восемью людьми. Вода изымается из реки, очищается и затем возвращается обратно. Река не может быть в точности той же, какой была вчера, или в прошлом месяце, или сто миллионов лет назад. Или может? В этом-то и состоит секрет ее вечно обновления.

Подлинную “меру” реки можно увидеть в чувствах, которые она вызывает. Иным из тех, кто смотрит на нее или бродит по берегу, она навеивает образы их грядущей судьбы, у других она пробуждает воспоминания. Мало найдется людей, которые, сидя у потока, в той или иной степени не поддаются мечтательности, пусть даже она сводится к банальной мысли о текучести всего и вся. Вот почему в книгах, где говорится о Темзе, звучат постоянные сетования о посягательствах настоящего на славное достояние минувшего. Река сама рождает подобные настроения.

Задал тон этой речной меланхолии Томас Грей в стихотворении “Ода виду издали на колледж в Итоне” (1742). Снова и снова мысль о бесконечном изменении рождает печаль. На многих картинах Тернера, посвященных Темзе, изображены сцены посадки на судно, прощания и отплытия. В романах Диккенса берег Темзы часто служит местом встреч и расставаний. Вода – меланхолическая стихия. Она растворяет в себе все. Есть люди, которые приходят на берег в поисках забвения. Речной вид может избавить тебя от мыслей, притупить наблюдатель-

⁶ Хаммерсмит – район Лондона.

ность. Он может даже стереть воспоминания. Река смывает, вбирает в себя все нежеланное. Она погружает человека в сон, в беспмятство, в задумчивость. В водах Темзы текут воды Леты.

Однако идея круговорота, вечного возрождения может дать повод и для ликования. Даже в наше время река порой рождает чувство счастливого бегства, приключения. За ее поворотом всегда ждет что-то неизведанное. Близ устья Темзы, где она катит свои воды к морю, она кажется наполненной новой жизнью и энергией.

II “Отец Темз”

Глава 4

Крещение

Темза – старое название. Если не считать Кента, это, возможно, самое древнее название в Англии. Считают, что оно идет оттуда же, откуда происходят названия британских рек Теймар, Тим и Тафф, – от кельтского *tam*, что означает “гладкий” или “широко раскинувшийся”. *Isa* и *esa* – варианты кельтского корня, означающего проточную воду. Они прослеживаются в названиях рек Уз (*Ouse*) и Экс (*Exe*); слово “Оксфорд” произошло от *Ousenford* или *Osenford*⁷. Так что мы можем интерпретировать слово “Темза” как “текучая жидкость” (*ooze*). Но все это только предположения. Слово может иметь и совсем иное происхождение. В Сербии есть приток Дуная под названием Тамиш. В Италии есть река Тамезе, а главный город племени брутиев в южной Италии назывался Темеза.

Есть, кроме того, приток Ганга, называющийся на санскрите Тамаса, что означает “темный”. Во второй книге “Рамаяны” имеется глава “Тамаса”. Так что название может быть докельтским. Не исключено, что оно возникло среди первобытных племен эпохи мезолита или неолита, которые, странствуя по свету, имели общий язык. Слог “тем”, возможно, означает тьму как нечто внушающее священный страх. Он может быть чрезвычайно древним, восходящим к первым наименованиям, которые человек давал явлениям окружающего мира. Интересно, что в XIX и начале XX века Темзу часто называли “темной рекой”, невольно откликаясь на ее первое имя.

Ни кельты, ни римляне, ни саксы не переименовывали ее – возможно, потому, что имя реки считалось мистическим. Кельты называли ее Тамеза или Тамезис, римляне в лице завоевателя Юлия Цезаря – Тамезис. Под этим названием река была известна также Тациту и Диону Кассию. Саксонские поселенцы именовали ее *Temes* или *Temese*. Сохранение конечного “s”, редкий случай в англосаксонском языке, указывает на высокую вероятность того, что саксы знали это слово до возникновения его кельтских и латинских вариантов. Слух о великой реке Темзе дошел до них через моря. В одной рукописи 699 года она названа *Thamise* (Тамиза). В хрониках Ненния, датируемых VIII – началом IX века, она идет как *Tamisia*. Количество латинских и англосаксонских названий реки достигает как минимум двадцати одного, в среднеанглийском языке добавляется еще девять. Но во всех случаях используется корень *tame* или *teme*. Это священный элемент, предположительно обозначающий тьму.

Вскоре Темза вошла в хартии англосаксов. В первой же из тех, что дошли до нас, относящейся к VII веку, упоминаются земли, принадлежащие аббату Альдхельму, *cujus vocabulum Temis juxta vadum qui appellatur Somerford*⁸. Деревушка Сомерфорд-Кейнс все еще существует около Темзы, всего в 2–3 милях от истока; здесь имеется церковь с резьбой викингов, построенная самим Альдхельмом, и остатки саксонских водяных мельниц.

Для крещения реки необходимо некое божество-покровитель. Лудд, таинственный и неуловимый кельтский бог лондонцев, возможно, имеет отношение к Нудду, или Ноденсу, божеству-покровителю реки Северн, однако в этих тонких вопросах никакой определенности быть не может. Более осязаемая и увесистая фигура – Старый Отец Темз, водяное божество неизвестного происхождения, отличающееся разительным сходством с богами Нила и Тибра. Его развевающаяся борода и волосы ассоциируются с водным потоком. Считалось, что Ганг проистекает из спутанных волос Шивы; в записных книжках Леонардо есть изображения волос, переходящих в водяные струи, как если бы завихрения и рябь на воде были эхом человеческого организма. Греко-римская скульптура Тибра с развевающейся бородой и волосами датирована

⁷ Ford означает “брод”.

⁸ Чье название – Темис близ брода, зовущегося Сомерфорд (*лат.*).

I веком до н. э. и находится в основании лестницы на Капитолийском холме в Риме. Там же, сходный с ним внешностью и позой, полулежит бог Нила.

В мифах Греции и Рима речной бог Ахелой считался также источником всякого познания. В облике быка он сражался с Гераклом, и тот отломал один из его рогов. Ахелой скорбел о потере рога, ставшего “рогом изобилия” и превращенного затем в сосуд, который держит Отец Темз; это можно истолковать как мысль о том, что укрощенная река становится плодоносной. Но образы говорят также и другое. Ахелой – мощный бог, неистовый, если его разозлить. Он стар, но, владея секретом вечной юности, наделен даром омоложения. Отсюда берет начало понятие об “источнике юности”.

Иное его воплощение, Отец Темз, запечатлен в статуе, которая вначале располагалась у истока Темзы, а затем была перенесена в Лечлейд, где находится первый шлюз. Старик окружен бочками и тюками с товаром, которые показывают, что Темза – не только священная, но и коммерческая река. На плече у него лопата – символ ремесла, необходимого для создания шлюзов, которые внесли вклад в укрощение реки. Есть еще одно его скульптурное изображение около лондонского Хем-хауса на берегу Темзы, где он назван просто “речным богом”; скульптура датируется серединой XVIII века, то есть на сто лет старше лечлейдской, и бог здесь, отдавая дань античной древности, держит опрокинутый сосуд. Другие копии были утрачены.

Статуя этого же божества имеется и на площади Тринити-сквер в Лондоне, где она играет роль “гения места” для бывшего Управления Лондонского порта. В одной руке бог держит трезубец, другой показывает на восток – на открытое море. Борода и волосы опять-таки тщательно детализированы. На пьедестале – эмблемы Производства и Экспорта, Коммерции и Навигации. Бронзовая фигура Отца Темза стоит во дворе Сомерсет-хауса, и на той стороне здания, что выходит на Стрэнд, имеется замковый камень с его высеченным изображением. Большие изваянные головы старика можно увидеть у входа в Хаммерсмитскую ратушу со стороны реки, а на мосту Воксхолл установлен барельеф этого божества, борющегося с исчадиями глубин. Его изображение есть на лондонском мосту Кью-бридж, еще одно – на мосту в Хенли, где его волосы и борода окружены камышом и рыбами. Так что он не позабыт. Его воспел великий почитатель Темзы Александр Поуп:

С его волос падали капли, и над потоком
Его светящиеся рога сияли золотом.
На его урне была изображена Луна, которая руководит
Его взбухающими водами, приливами и отливами⁹.

Поэма Джона Денема “Куперз-хилл” в свое время считалась образцом сладкозвучия и чистоты языка, примером гладкого течения слов, напоминающего течение реки, о которой поэт ведет речь. Он тоже отдал дань почтения ее божеству – “Темзу, любимейшему из сынов Оксана”. Получается, что Темз произошел из старой и прославленной семьи. У него, однако, есть компаньонка, которая может похвалиться еще более почтенным возрастом и большей славой.

Многие указывали на связь Темзы с египетской богиней Исидой. Английскую реку часто сравнивали с Нилом – видимо, из-за плодоносности и из-за центрального положения в стране. Нилу приносились человеческие жертвоприношения, чтобы умиловить его богов; следы таких же ритуалов были обнаружены и у берегов Темзы. Некоторые участки Темзы легко рождают ассоциации с Нилом. Чуть выше Криклейда – тростники и зыбучие пески; дремотное, меланхолическое течение воды в районе Челси нередко уподобляли египетской реке. Более существенно, однако, то, что и Нил, и подверженная воздействию приливов Темза ассоциируются со смертью и рождением, с постоянным воскрешением. Обе реки считаются темными.

⁹ Подстрочный перевод.

Один из самых знаменитых монументов на берегу Темзы – это, несомненно, Игла Клеопатры, хотя обелиск имеет к прославленной царице довольно косвенное отношение. Он, однако, имеет отношение к Нилу. Он был высечен при фараоне Тутмосе III и пятнадцать столетий простоял в Гелиополе на восточном берегу Нила. В 1878 году его перевезли на берег Темзы и установили с помощью гидравлических приспособлений. Розовый асуанский гранит обелиска потемнел от лондонских туманов и копоти и стал такого же цвета, как сама английская река. Перед нами – священный символ мутной и таинственной Темзы.

Связь между Темзой и Нилом впервые была проведена в “Полихронионе”, или “Всеобщей истории”, Ранульфа Хигдена, монаха из Честера, жившего в первой половине XIV века. В этой компиляции средневековых текстов Хигден пишет: *Tamisia videtur componi a nominibus duorum fluminum, quae sunt Thama et Ysa aut Usa*. Перевод: “Тамизия, видимо, составлена из названий двух рек, кои суть Тама и Иза или Уза”. Более чем вероятно, что хигденовская “Иза или Уза” происходит от упомянутого выше кельтского *isa* или *esa*. Получается, что в XIV столетии люди, жившие по берегам реки, называли ее кельтским именем. Может быть, она всегда была известна как Иза.

Но затем исторический текст творит свое собственное таинственное чудо. Иза довольно легко превратилась в блистательную Айсис (*Isis*, т. е. Исиду). Распространителем ошибки стал Джон Лиланд, написавший в своем “Путеводителе” (1546), что “исток Айсис находится в трех милях от Сайренсестера”. Уильям Камден в “Британии” (1586) пишет: *Isis vulgo Ouse*, то есть “Айсис, известная в народе под названием Уз”. Никаких подтверждающих соображений он не приводит, но отождествление оказалось весьма многозначительным. Камдену последовали Холинshed и Стоу. Авторитет Лиланда был таким, что никто не смел с ним спорить. В частности, в конце XVII века валлийский ученый Эдвард Ллойд назвал Лиланда человеком, “с коим я не дерзаю состязаться”. Поэтому в “Приходских записках” (1695) он называет Дорчестер местом, “близ коего Темза вливается в Айсис, откуда и произошло имя Тамезис, или Темза”. Из-за диковинного смешения имен и понятий реку Тамезис сочли результатом слияния Темзы и Айсис (Исиды).

Чтобы объяснить произошедшее, выдвинули теорию: якобы “Айсис” – это река от истока до Дорчестера, а “Темза” возникает после Дорчестера, где в нее впадает приток Тейм. Взгляда на англосаксонские источники, где вся река неизменно называется Темзой, было бы достаточно, чтобы перечеркнуть это предположение. Однако теория жила из века в век. В парламентских актах с 1750 по 1842 год фигурируют “реки Темза и Айсис”, в акте об охране Темзы (1894) – то же самое. Даже на картах Государственного картографического управления участок от истока Темзы до Дорчестера именуется “Река Темза, или Айсис”. Не так-то просто все с названиями рек.

Пусть это и ошибка, но ошибка плодотворная. Живучесть ложного представления о Тейме и Айсис наводит на мысль о внутреннем резонансе, о некоей сущностной правоте хронистов и картографов вопреки законам этимологии. Ведь Исида, так или иначе, несет в себе заряд общечеловеческой памяти. Она – Богиня-Мать, благодетельница рек. Утроба нового рождения. Богиня плодородия и изобилия, сестра и супруга Осириса, правителя подземного мира. Животворящая Темза течет из непознанных глубин. Она – женская душа мира, *anima*, способная являться в тысяче разных обликов. На ее дне у Лондонского моста были найдены три скульптурных изображения Хора, сына Исиды. Возникает образ матери, рождающей сына на реке, подверженной колебаниям приливов и отливов. Здесь представлен один из самых мощных мифов о возрождении.

Культ Исиды процветал в эпоху Римской империи, и в храме Исиды в Помпеях на головы верующих в знак благословения брызгали водой. Темзу использовали для ритуального омовения и христианского крещения. Исида была крылатой богиней, “старейшей из старых”, покровительницей сельского хозяйства, врачевания, закона и справедливости. Она “распространяла

ляют себе в мужском обличье. Так гендерные стереотипы проявляются в восприятии природы как таковой. В битве полов притоки Темзы обычно считаются носителями женского начала.

Исида – это влага в ее женской ипостаси, циркулирующая в природе, как околоплодные воды. В представлениях об Исиде вода также отождествляется с питательной жидкостью – с молоком. Вода – женская субстанция, поскольку, соединяясь с глиной, она творит формы. Тут возникает множество ассоциаций и уподоблений, которые противятся рациональному исследованию, ибо восходят к самым ранним периодам человеческого сознания. Так в царство мифов, где текут Стикс и Ахерон, Лета и Флегетон, может войти и Темза – река, которая выносит идущего вдоль нее за пределы обыденности в мир мечтаний и духа.

Легенды о ее половой принадлежности отражают тот очевидный факт, что река – живое существо. Темза творит отчетливый эффект присутствия. Заряженная тем, что Бернард Шоу называл жизненной силой, она подчиняется своим собственным органическим законам роста и изменения. Волновая структура водной поверхности столь сложна, что эта поверхность кажется мембраной живого организма – ушной, к примеру; “капиллярная” система, потревоженная каким-то движением, передает изменения целому. Река так тесно переплетена с судьбой человека, с его желаниями и страхами, что приобрела человеческую индивидуальность.

Много столетий ее обожествляли и стремились умиловить. Хилэйр Беллок в “Исторической Темзе” пишет: “Не могу отделаться от мысли, что Темза – живое существо”. Некоторые путешественники признавались, что на иных участках берега им казалось, будто за ними следят. Великий историк Темзы Ф.С. Таккер говорит в своей “Дороге под названием Темза”, что “Темза – единая живая душа, цельная и нераздельная, от одиночества Трусбери-Мид до последнего морского одиночества за отмелью Нор”. Многие поклонники Темзы поистине ощущают эту душу, эту атмосферу, эту задумчивую жизнь, существующую из века в век.

Когда кто-либо берется описывать эту реку, она всякий раз приобретает человеческое измерение. Она терпелива, когда преодолевает или обходит препятствие. Она безжалостна, когда стачивает самые твердые камни. Она непредсказуема – особенно когда ей перечат, когда ее течение пытаются повернуть. Стадии ее движения от истока до моря уподобляли юности, зрелости и старости. Ее характер меняется от места к месту. Она может стать жестокой, мстительной. Может – игривой. Может – коварной. Может – имперски-властной. Может – деловой, усердной. Она наделяет участки своей топографии человеческими чертами.

Глава 5

Река из камня

Бассейн Темзы по большей части опоясан холмами. На западе это Котсуолд-хиллз; у своего северного края эта гряда, описывая дугу, идет к Эдж-хиллу, а затем стена холмов пересекает Центральное плоскогорье и достигает вытянутой полосы Восточноанглийской возвышенности, идущей в восточном направлении. К югу от реки холмы, образуя изогнутый край бассейна, тянутся через Марлборо-Даунз, а затем через Норт-Даунз к побережью Кента. Внутри бассейна высота над уровнем моря редко превышает 60 м, и в целом ландшафт можно назвать мягко-волнистым, если не считать большого мелового кряжа Чилтернз. За тысячелетия Темза сумела преодолеть меловую преграду, но холмы Чилтернз все еще стоят как знак древнего катаклизма.

Геология Темзы чрезвычайно сложна, по крайней мере для тех, кто не занимается этой наукой профессионально, но она представляет интерес для интересующихся давними эпохами жизни земли. Выше так называемой Горингской брешы, где Темза пробила себе путь сквозь меловую гряду, часть которой составляет Чилтернз, преобладают долины с мягкой глинистой почвой и кряжи из песчаника и известняка. Ниже Горинга река течет через “Лондонский бассейн”, состоящий из мела, песка, гравия и глины. На западе известняк Котсуолдс сменяется районом, называемым “Оксфордская глинистая долина”, следом за которым идет мел Чилтернз и Беркшир-Даунз; далее, на юг от Чилтернз, снова глина, а затем – песчаник, песок и гравий.

Всюду, конечно, есть местные вариации и отличия, обусловленные течениями древних океанов и доисторическими катаклизмами. Имеются, например, моренные участки гравия и валунной глины, которые перемещались вследствие движения ледников. Сама река тоже создавала вдоль своего русла разнообразные слои глины и гальки. Уровни глины и камня – это следы процессов, длившихся сотни миллионов лет, символы продолжительности, недоступной уму человека. Это ленты в волосах Геи. Вспомним вопрос, заданный Богом Иову: “Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь”. В конце XVII века епископ Бернет написал книгу, озаглавленную “Священная теория Земли”; подобную книгу и сегодня можно было бы написать о реке.

“Лондонский бассейн” может служить образцом топографического разнообразия. Меловая основа покрыта здесь гравием и глиной, причем глубина мела варьируется в зависимости от места: в Ламбете это 76 м от поверхности, а немного ниже по реке – в Ротерхайте – всего 14 м. Chilt – это мел по-саксонски, отсюда название Чилтернз. Поверх мела лежат слои крапчатой глины и пропускающего влагу песка, выше идет наносная “лондонская глина”, чей возраст около 60 миллионов лет, и наконец – гравий и кирпичная глина.

Эти древние каменные породы все еще играют важную роль в приречной жизни; такие города, как Гринвич и Гринхайд, Вулидж и Грейвзэнд, стоят на меловых обнажениях. Там, где Темза перед впадением притока Чируэлл круто поворачивает на юг, имеется участок древнего гравия. На нем выстроен Оксфорд. Эти камни служат основанием нынешней жизни. Упомянутая кирпичная глина стала материалом для множества лондонских построек. Часто замечали, что в городках и деревнях вдоль Темзы строения соответствуют своему окружению – от золотистого котсуолдского камня фермерского дома до кремнистых стен и известковой штукатурки амбара или голубятни. Всякий раз камень составляет часть “гения места”.

В свое время обсуждалась тайна меловых пещер около реки – больших, связанных между собой подземных полостей, похожих на сосуды с узкими горлышками. Они представляли собой вертикальные шахты, оканчивающиеся колоколообразными камерами, которые были соединены с другими похожими камерами. Их назначение объясняли по-разному: одни считали их древними обсерваториями, другие – зернохранилищами, третьи – гробницами, четвертые –

убежищами от врагов. Скорее всего, однако, саксы добывали в этих шахтах мел. Прямых доказательств этому, впрочем, нет.

Есть также феномен террас, образовавшихся при понижении уровня моря. Когда этот уровень падает, соответственно опускается и уровень реки, и прежняя пойма образует выступ (террасу) над новой поймой. Например, Бойн-хиллская терраса возвышается над нынешним уровнем реки на 30 м, и возникла она примерно 375 000 лет назад. Позднее появилась терраса Таплоу, она на 15 м ниже. Самая недавняя называется просто Пойменная терраса. Есть и другие градации и вариации террас, с другими названиями. Аллювиальная пойма в верхнем течении Темзы – сравнительно новое образование, датируемое всего-навсего вторым тысячелетием до н. э., а что касается террас в черте Лондона, то они, как ни странно, очень заметны, ибо, чтобы облегчить их преодоление, потребовалась человеческая изобретательность. Крутой подъем от набережной Виктории к Стрэнду у станции метро Чаринг-Кросс – свидетельство разлома, произошедшего в былую геологическую эпоху. Расстояние между средней и верхней террасами Темзы можно оценить взглядом, если встать возле Национальной галереи к северу от Трафальгарской площади. Мы топчем ногами предысторию.

Те, кто склонен верить в дух места, должны принимать во внимание эти геологические градации и сдвиги. Нет причин сомневаться, что человеческое сознание меняется в зависимости от того, глина у нас под ногами или мел, пусть даже механизм этих изменений нам непонятен. Можно поразмышлять о том, существует ли различие отзвуков между оолитами Котсуолдс и песчаником Клифтон-Хэмдена. К каким выводам приводит сравнение глины Вулиджа, содержащей окаменелости, с песчаным галечником Блэкхита? Имеет ли значение, что обитатели низовой Темзы ходят по остаткам древних лесов? Оказывает ли огромное болото, находящееся под Долиной Белой Лошади, влияние на людей?

Самые ранние жители долины Темзы верили во внутреннюю силу, присущую камню, и создатели гигантских британских памятников считали необходимым использовать для своего предприятия какой-то определенный вид камня. Разные его типы, взятые из разных мест, неодинаковы по воздействию и по ассоциациям. Люди из древних племен были, возможно, более чутки к природному миру и ощущали то, что в XXI веке обитатели долины Темзы не замечают или отвергают.

Есть, например, основания считать, что люди, жившие севернее Темзы, в свое время отличались от тех, кто жил к югу от реки. Во многом это может быть связано с племенными особенностями, с особенностями графств и общей разьединенностью; но земля как таковая – ее топография и геология, – возможно, тоже сыграла свою роль. В прошлом разница между севером и югом была, конечно, более заметна. В начале XX века один историк региона Темзы много лет исследовал песни и обычаи приречных жителей. В книге “Народные песни верхней Темзы” (1923) Альфред Уильямс пишет, что в Уилтшире и Букингемшире – графствах, прилегающих к Темзе с юга, – люди “несколько более шумны и непосредственны, они здоровей, выносливей, сильней, прямей, решительней и чуть менее музыкальны”; напротив, жители Глостершира и Оксфордшира к северу от Темзы “добрей, покладистей, мягче, но при этом слабей, податливей и менее стойки”. Северяне более утонченны и артистичны, чем южане, но “у них нет того упорства и той внутренней независимости”.

Сходные тенденции подмечали и другие наблюдатели. В XIX веке в северных графствах главным развлечением был танец моррис¹³, тогда как в южных – борьба и фехтование. Ни в одном из графств южнее Темзы пристрастия к танцу моррис не отмечено. При этом к северу от реки преобладает мягкий котсуолдский камень; камень юга – кремль и кирпич. Прослеживается некая человеческая преемственность: те же самые различия в темпераменте и характере обнаруживались в древности между англами к северу от Темзы и саксами к югу. Определенная

¹³ *Моррис* – театрализованный народный танец в средневековых костюмах.

связь, возможно, существует и с особенностями законодательства: различия между датскими и саксонскими установлениями по ту и другую стороны Темзы вели к различиям в поведении.

До сравнительно недавнего времени в определенных районах, несомненно, сохранялся более или менее одинаковый состав населения. В середине XIX века жители окрестностей Чилтерн-хиллз были “менее культурны”, чем их соседи, местность слыла в то время “дикой”, и здесь встречались народные названия вроде “Адской Дыры” или “Виселичного Луга”, каких не увидишь ни на одной географической карте. При этом Джеймс Торн, автор истории Темзы, озаглавленной “Прогулки по речным берегам” (1847), пишет, что “эта грубость не пересекает Темзу” и что “беркширцы цивилизованней”, но при этом наделены “решительностью” – той самой, которую полвека спустя отметил Альфред Уильямс.

Однако наиболее очевидное и характерное различие можно было обнаружить в самом Лондоне, где разделяющее присутствие Темзы породило в свое время две весьма различные зоны человеческой деятельности и два типа личности. В XIX веке это очень ярко показал Чарльз Маккей в книге “Темза и ее притоки” (1840), где он пишет о южнобережных людях, что “прогресс цивилизации не отразился на них никак... за тысячу лет они сумели лишь сменить шалаши на лачуги и на этой точке остановились”. На северном берегу, говорит он, строят железные дороги и вводят иные усовершенствования, но к югу от Темзы все как было, так и остается. Можно, конечно, объяснять это действием случайных топографических обстоятельств и ссылаться на обилие на южном берегу болот и пустошей, которые теперь во многом застроены благодаря неумолимому ходу цивилизации, – но никакой случайности тут точно нет. Причина – в глубинной природе места, формированию которой способствовала река. Интересно, что в IX веке король Альфред заявил, что, когда он сел на трон, к югу от Темзы не было или почти не было ученых людей. Жители разных берегов эстуария Темзы и сейчас очень плохо знают друг друга.

Есть и языковые различия. Южнее Темзы шелковник трехлистный называют водяной лилией, севернее – кувшинкой. Нивяник обыкновенный в Уилтшире известен как собачья или конская маргаритка, а на другом берегу, в Оксфордшире – как лунная маргаритка. Река всегда была рубежом.

Глава 6 Рождение

Исток реки – зачарованное место, где проходит граница между царствами зримого и незримого. Он нередко считается святилищем, охраняемым духами юной воды. Влагу, протекающую из темных земных глубин, можно, помимо прочего, рассматривать как образ человеческого бытия, возникающего из неведомого. Мы следим за тем, как поток выходит из тьмы, из глухой впадины, на свет открытого дня. Это метафора рождения и смерти, начала и конца. Вода как таковая символизирует начало всякого живого существа. Путешествие к истоку – это путешествие вспять, за грань человеческой истории. От истока исходят сила и чистота. От него веет молодостью. Так возникает миф об источнике вечной юности. Это – *fons et origo*¹⁴. Это – родник жизни, или, пользуясь образом из скандинавской мифологии, колодец Урд.

Сенека в трактате “Нагурфилософские вопросы” заявил, что “если уразумеешь подлинное происхождение рек, поймешь, что больше вопросов у тебя нет”. Исток реки всегда считался местом, дарующим силу и удачу. Когда ассирийский царь Салманасар III обнаружил исток Тигра, он “принес жертвы богам... устроил радостный пир”. Цезарь сказал египетскому первосвященнику, что прекратит свои войны, если ему удастся найти исток Нила. Нерон послал экспедицию на поиски этого истока – но безуспешно. Согласно египетской мифологии, Нил был создан в самом начале сотворения мира, и его исток вечно будет оставаться неведомым. Исток Хуанхэ (Желтой реки), много тысячелетий игравшей жизненно важную роль для Китая и ставшей подлинной матерью его культуры, нашли только в 1952 году.

Для многих мыслителей путешествие к началам рек было в подлинном смысле возвращением в Рай. Существовало представление, что воды первобытного Эдема циркулировали под землей и изливались на поверхность для ее орошения из пещер и пропастей. Исток был местом, где можно приобщиться тайн вечной жизни. В проповедях Бернара Клервоского есть молитва о том, чтобы “реки благодати возвращались к истоку своему и текли сызнова”. В этом контексте самое близкое, чему можно уподобить человеческую душу, – первоначальный источник. Чосер, живший в Гринвиче на берегу Темзы, так обращался к другу, обитавшему выше по реке:

Скоган, преклонивший колени у истока
Реки милосердия, всякой чести и достоинства,
В конце коего потока я, угрюмый, как мертвец,
Прозябаю один в заброшенности и глуши...¹⁵

Весьма уместно, что с истоком Темзы связана своя тайна. Любитель старины и топограф елизаветинских времен Уильям Гаррисон сетовал на то, что люди так же непомерно озабочены местоположением этого истока, как “в былые времена истоком Нила, который... так и не был найден”. Он имел в виду то, что право называться истоком Темзы оспаривали два места: Севен-Спрингс (“Семь источников”) и Темз-Хед (“Исток Темзы”).

С географической точки зрения пальму первенства следовало бы присудить Севен-Спрингс в приходе Коуберли, или Кабберли, к северу от Сайренсестера: это место примерно на 12 миль дальше от моря, чем Темз-Хед, и на 90 с лишним метров выше. Здесь имеется старинная каменная насыпь с семью маленькими отверстиями, из которых бьют семь источников. Табличка гласит: *Nic Tuus O Tamesine Pater Septemgeminus Fons* (“Здесь, о Отец Темз, твой

¹⁴ Исток и происхождение (*лат.*).

¹⁵ Подстрочный перевод.

семикратный исток”). Однако признать справедливость этого притязания мешает одно важное обстоятельство. Ручей, которому дают начало эти семь источников, всегда назывался Черн, и он впадает в Темзу в районе Криклейда. Нет сомнений, что он течет издревле – его название происходит от кельтского *chuern*, что значит “быстрый”, – но где же все-таки исток Темзы?

Исторические документы согласно отдают предпочтение Темз-Хеду. В начале XVI века Джон Лиланд утверждал, что “Исида”, как он называл Темзу, берет начало “недалеко от деревни, называемой Кембл, в полумиле от Фоссуэя¹⁶”; в том же столетии Джон Стоу отметил, что “прекраснейшая и благообразнейшая река начинается в Котсуолде, примерно в миле от Титбери и на таком же расстоянии от тракта, называемого Фосс”; Уильям Камден писал, что “она проистекает близ Тарлтона, около знаменитой дороги Фосс-уэй”. Цитаты можно было бы приводить и дальше, но вывод ясен. Фоссуэй – это нынешняя дорога А 433, и исток Темзы находится совсем близко от нее.

Темза начинается в поле, называемом Трусбери-Мид, подле бывшего римского лагеря, от которого до сей поры осталась насыпь, называемая Трусбери-касл (Замок Трусбери). Без сомнения, лагерь был устроен здесь из-за близости к источнику, и вполне вероятно, что люди селились здесь гораздо раньше, чем пришли римляне. Соседняя деревня называется Юэн – от саксонского слова, означающего ручей или родник. Итак, с очень древних времен это место считалось особым, или святым, из-за протекающей здесь влаги. “Лицо” округи сформировалось на протяжении столетий. Томас Лав Пикок запечатлел ее облик в хвалебной поэме “Гений Темзы” (1810):

Пусть воображение ведет нас от поля Трусбери-Мид,
Окаймленного орешником и густой молодой порослью,
Где, едва видимые сквозь яркую зелень,
Мягко струятся твои младенческие воды,
Туда, где широко раскинувшийся Нор
Глядит на тебя под грохот волн...¹⁷

Еще в XVIII веке на Трусбери-Мид был колодец, обнесенный круглой стеной высотой 2,4 м. Потом стена была разрушена или развалилась, колодец в конце концов засыпали. Все, что осталось поныне как знак зарождения реки, – это небольшая группа камней под деревом, образующих круглую выемку в земле; чем-то эти оолитовые камни напоминают древнее святилище.

Здесь, у Темз-Хеда, мифы сходятся в одну точку. Дерево, осеняющее исток, – это ясень, который простоял здесь около двухсот лет. На его коре в свое время были вырезаны буквы Т. Н. – кто-то видит их и сейчас, кто-то не видит. Впрочем, эмблема не столь важна. В любом случае это необыкновенное дерево. В скандинавской мифологии говорится о мировом дереве – гигантском ясене Иггдрасиле, чьи корни уходят в нижние миры. Он связывает между собой три круга существования и считается “тропой духов”. Подле мирового дерева находится источник или водоем, и от него берет начало река. Что может быть многозначительней, чем ясень, оберегающий исток Темзы? Но есть и другие важные ассоциации. В греческой мифологии ясень посвящен Посейдону – богу воды.

У истоков многих рек можно увидеть храмы или камни с резьбой на священные сюжеты. Часто туда по обету приносили деревянные резные изображения. В Темз-Хеде в свое время был установлен камень. Этот древний замшелый камень упоминается в земельной дарственной короля Ательстана, датированной 931 годом, – он служил тогда знаком границы. Или, возможно,

¹⁶ *Фоссуэй* – старинная дорога, построенная еще римлянами. Она соединяла города Эксетер и Линкольн.

¹⁷ Подстрочный перевод.

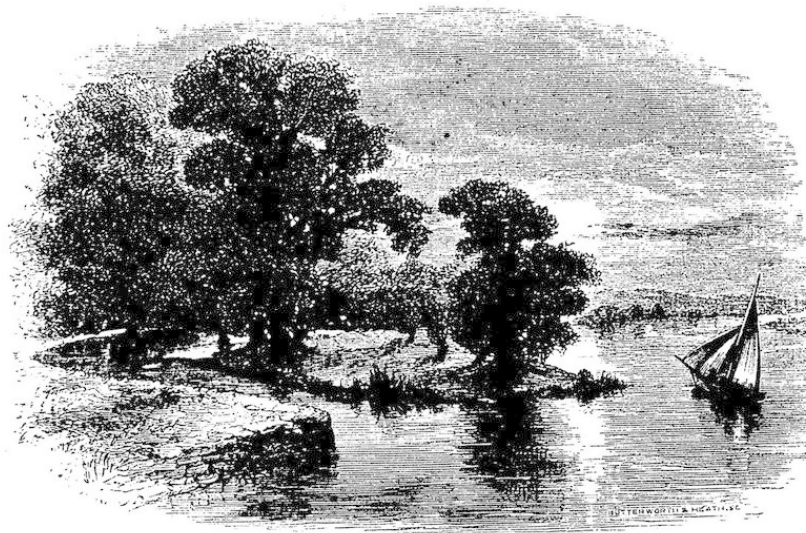
он был надгробным камнем некоего важного лица, похороненного у водного источника. Позднее камень использовался как подставка для посадки на лошадь у места, где всадник и его конь могли отдохнуть и напиться чистой воды. В прошлом столетии его заменили мраморным параллелепипедом, на котором высечено: “Комитет по охране реки Темзы. 1857–1974. Этот камень отмечает исток Темзы”.

Впрочем, не во всякое время года здесь можно было утолить жажду. Лиланд пишет, что “летом в большую засуху тут очень мало или совсем нет воды, однако река питается водою многих родников, стекающей в единое русло”. В 1796 году Джон Бойделл писал в “Истории реки Темзы”: “Не думаю, что вы сможете увидеть тут воду в летнее время”. То же самое отсутствие воды отмечают и два столетия спустя. Это одна из тайн Темзы. Подпитки у истока сейчас нет. Большую часть года здесь сухо. Легкий уклон земли – вот и все, что осталось от новорожденной Темзы, и можно ходить посреди реки, не рискуя намочить ноги.

Под земной поверхностью вода, конечно, есть. Один лозоходец наших дней засек точную воду на глубине 1,5–1,8 м с шириной русла около 25 см. После обильных дождей поток вырывается на поверхность. Есть снимки, сделанные в 1960 и 2000 годах, где на месте колодца виден пруд. На фотографиях 1960 года мальчишки плавают под ясенем на лодках. Но в целом вода спала, и один историк начала XX века записал во влажный год слова местного жителя, сказавшего, что “во-он на тех холмах родники проснулись, и воды опять стало много, как в старые времена, когда я был пацаном”. Вырубка лесов в регионе привела к уменьшению конденсации, к чему добавилась и деятельность человека. Недалеко от колодца на возвышенном месте в свое время был установлен паровой насос, чтобы качать воду для канала Темза – Северн. В 1878 году была сооружена насосная станция для железнодорожных мастерских в Суиндоне.

Впрочем, еле заметные линии и подземные потоки по-прежнему существуют. Вдоль сухого русла новорожденной реки неровной цепью растет старый колючий кустарник. Под уклон идет тропа, у которой виднеется груда разбросанных камней, очень похожих на развалины моста; дальше, примерно в полумиле, – большой пруд, гораздо более богатый водой, чем собственно исток Темзы. Он называется Лид-Уэлл, что в переводе со староанглийского означает “громкий ручей”. Но “Лид” может значить и другое. Слово может иметь отношение к Лудду – божеству древних лондонцев. Существует мнение, что Лудд – это также и первобытный бог реки. Пусть же Лид-Уэлл станет началом нашего путешествия по берегам Темзы.

III Юная струя

Место слияния Чируэлла и Темзы

Глава 7 Притоки

У Темзы множество притоков, и есть веские причины, чтобы почтить их вниманием. Считалось, что у слияния вод танцуют боги. Место впадения было священным, и охраняли его три сидящие богини – так называемые Матроны. Около таких мест в верхнем течении Темзы отмечены скопления курсусов, датируемых предположительно неолитом. Так что встреча двух рек – повод для религиозного ритуала.

Для этого существует особый бог. Кельтский бог Кондатис, который в некоторых позднеримских памятниках отождествляется с Марсом (несомненно, благодаря своим качествам целителя), получил имя от галльского словосочетания “воды встречаются”. Это бог именно двух потоков, их слияния. Правда, его культ характерен прежде всего для северной Британии, в частности, рек Тайна и Тиза, но есть основания считать, что такое важное божество перемещалось по всему острову.

Главные притоки Темзы следующие: Черн, Тейм, Коулн, Лич, Уиндраш, Эвенлоуд, Чируэлл, Кеннет, Вир, Уэй, Моул, Медуэй, Ли и Родинг. Впадают в нее и более мелкие речки и ручейки: Эмпни-брук, Гатуик-стрим, Рэй, Коул, Блэкуотер, Ок, Ламборн, Панг, Лоддон, Уай, Борн, Хогсмилл и Эмбер. В ту часть Темзы, что испытывает действие приливов, впадают также Брент, Стамфорд-брук, Беверли-брук, Уондл, Челси-крик, Хоул-борн, Флит, Уолбрук, Детфорд-крик, Баркинг-крик, Бим, Рэйнхем-крик, Мар-дайк, Дартфорд-крик, Билл-Мерой-крик, Клифф-крик, Макинг-крик, Шелл-Хейвен-крик, Хоул-Хейвен-крик, Клифф-Флит, Солт-Флит и Янтлет-Флит.

Многие из них убраны под землю; многие позабыты; многие пребывают в заброшенности. Например, некоторые лондонские реки давно уже заключены в подземные трубы и служат водоводами или каналами для стоков. Иные из этих похороненных ручьев, возможно, нашли себе иные русла и стали безымянными “теневыми реками”, бесшумно текущими под землей. Тем не менее эти древние потоки оказывают влияние на мир, находящийся на поверхности. Они порой дают себя знать запахами и сыростью; подземный приток Флит, к примеру, время от времени затопляет подвалы на своем пути. На зарытые реки в свое время возлагали вину за малярию и лихорадку, и в их долинах (ныне распределенных между разными улицами и зданиями города) особенно густо скапливался туман. В более близкие нам времена с протеканием подземных вод связывали повышенную частоту аллергических заболеваний среди жителей.

Спенсер прославил впадение в Темзу Мидуэя и Ли как явление не только природного, но и космического порядка. Дрейтон в своем обширном поэтически-топографическом “Полиолюбионе” (1622) упоминает “прозрачный Коулн”, “свежий Лич” и “сверкающий Элнлоуд”. Драммонд из Готорндена в “Гимне прекраснейшей из прекрасных” (1623) пишет о ручье и реке так:

...одна нераздельная суть – ни в чем
Не различаются, кроме сана.

Так река может стать метафорой духовной благодати. Переходя к живописи, нужно заметить, что Тернер всегда был чуток к мистическому значению притоков. Одна из его самых знаменитых картин называется “Союз Темзы и Исиды”. На ней изображено место слияния Темзы и Тейма близ Дорчестера под древними холмами Сайноден-хиллз. Но первейшим поэтом речного слияния следует назвать Александра Поупа, который в “Виндзорском лесе” превращается в жреца, выкликающего священные имена:

Те, кто прозвание в прошлом дали ей,
Близ Темзы Тейм и Айсис всех видней;
Вот Кеннет, где проворные угри,
Вот Лоддон в зелени ольхи, смотри!
Кто в островах, как в россыпи цветной,
Кто с меловой, млечною волной;
Вот Вэндэлис, чья глубина светла;
Вот Ли: осока там всегда росла;
Поток угрюмый прячется в туман,
В потоке молчаливом кровь датчан¹⁸.

Мы тоже можем по очереди вызывать их из скромных убежищ. Приток, экстравагантно именуемый Уиндраш, зарождается среди холмов Котсуолдс и, прежде чем припасть к лону Темзы, минует Бортон и Уитни. Откуда такое название? Он что, вьется среди тростников? Или несетя как ветер¹⁹? Размышляя об имени этой реки, Дрейтон заявил, что она “промывает” окрестный ландшафт и “торопливо бежит / Через оксфордские поля”. Но это преувеличение. Уиндраш – милотидная и тихая речка, которая убыстряется лишь среди коттеджей городка Бортон-он-де-уотер. Но Темза после впадения Уиндраша сразу становится шире и глубже.

Кеннет впадает в Темзу у Рединга. Их соединение прославил Майкл Дрейтон в “Полиолю-бионе”:

Прибыв в Рединг, ясная Кеннет догоняет
Своего господина, величественного Темза, который
эту великую реку снова
Со многими знаками радости милостиво приемлет²⁰.

Иными словами, это священный брак, прославляющий мировое жизненное начало. Это – символ плодородия. Один из ранних вариантов названия Кеннет – Кунецио, поэтому не исключено, что здесь есть некий рудиментарный намек на репродуктивный орган (cunnus) земной богини. Здешний мост называется Хорсшу-бридж (Мост подковы), а подкова – древний символ удачи. Близ устья Кеннета существует древнее захоронение, ныне известное под названием Броукен-Боу, что может быть вариантом Броукен-Барроу (“разрушенный могильный холм”). На речном дне тут находили металлические и глиняные предметы, что говорит о ритуальных приношениях на месте впадения Кеннета. Археологические находки (в частности, уникальная хижина или укрытие на берегу) указывают на то, что в эпоху мезолита здесь было нечто вроде ярмарки. Так что точка слияния имела не только религиозное, но и коммерческое значение. Мост сейчас исписан граффити; одна из надписей гласит: “Ждите пришествия Христа”.

Ок, впадающий в Темзу пониже Абингдона, дает избыточным водам Долины Белой Лошади единственную возможность для стока; в свое время здесь случалось столько наводнений, что Ок соперничал с Темзой. На его берегу были обнаружены остатки святилища Железного века и римско-кельтского храма. Здесь, кроме того, найдены mansio (своего рода гостиница для паломников) и сооружение, которое могло служить либо амфитеатром, либо священной купальней. Соседство реки указывает скорей на второе. Здесь было также кладбище. У некоторых умерших римлян во рту лежали монетки, чтобы было чем заплатить перевозчику.

¹⁸ Перевод В. Микушевича.

¹⁹ Здесь обыгрываются разные значения слов wind и rush.

²⁰ Подстрочный перевод.

“Печальный Моул” впадает в Темзу чуть ниже Хэмптонского моста; он не особенно печален, если даже считать воду способной к такому настроению, и его название заставляет предполагать поэтическую ассоциацию с повадками крота (mole). Поуп вообще-то позаимствовал эпитет у Мильтона, который упоминает про “печальный Моул, текущий в подземелье”. Милтон, в свою очередь, опирается на Спенсера, у которого

Моул, как мышонок-крот, пробирается
Под землей, пока не соединится с Темзой²¹.

Это впечатляющая переключка поэтических приношений маленькой реке, и сравнение с подземным существом – ни в коем случае не плод пустой фантазии. Поблизости от Боксхилла и Норбери-парка река исчезает, а затем вновь появляется. В засушливый период русло здесь пересыхает, но дальше, близ Ледерхеда, течение возобновляется. Любитель старины Уильям Камден считал, что Моул прячется в некую темную длинную подземную пещеру, а потом снова выходит на поверхность. О том же явлении упоминает и Дефо, который полагал, что причина – в подземных протоках. Наличие таких протоков, как мы знаем, характерно для карстовых пород, которыми этот район действительно изобилует. Моул и вправду исчезает, а затем появляется и впадает в Темзу у Моулсуорта.

Река Черн начинается среди источников Севен-Спрингс, и некоторые считают это место истоком самой Темзы. На протяжении 14 миль до впадения в Темзу Черн спускается на 120 м. Майкл Дрейтон назвал его “легконогий Черн”: точная характеристика, во всяком случае по меркам поэтической топографии. Это быстрая, живая форельная речка – по крайней мере до Криклейда, где прозрачная вода притока смешивается с завихряющейся коричневатой водой Темзы.

Пониже Шиплейкского шлюза в Темзу впадает Лодден. Поуп называет его “медленный Лоддон”, но на самом деле он отнюдь не медленный. У него быстрое течение, вращавшее в былые годы немало водяных мельниц. У этой реки есть одна любопытная особенность. Многоопытные пловцы уверяют, что всякого, кто плывет здесь против течения, неизменно тошнит. Очевидного объяснения этому явлению нет – и тем не менее оно существует. Невольно приходишь к выводу, что некоторые участки реки могут приобретать свойства, недоступные рациональному анализу.

Уондл вливается в Темзу у Баттерси, и это один из ее притоков с наиболее быстрым течением. От этой реки произошло название лондонского района Уондсворт. Это тот самый “Вэндэлис, чья глубина светла” из поэмы Поупа: поэт явно решил латинизировать название, хотя на самом деле оно происходит от саксонского Wendleswirth, то есть “поселение Венделя”.

Название притока Рэвенсборн имеет экзотическое происхождение. Говорят, что Цезарь, стоя со своим войском лагерем близ Блэкхита, заметил, что к одному месту поблизости часто прилетает ворон. Он заключил, что там должна быть вода, и после поисков его люди нашли маленький чистый источник. Он получил название Рэвенс-уэлл (Родник ворона), а река – Рэвенсборн. Имеется стихотворение – правда, сомнительного качества, – посвященное ее превращению из “кристально чистого ручейка” в “поток”. Глубине этого потока обязан своим названием лондонский район Детфорд (от deer ford – глубокий брод). Но он имеет, кроме того, определенное историческое значение. Водой Рэвенсборна освежали себя повстанцы Уота Тайлера, а позднее – повстанцы Джека Кейда. Перкин Уорбек, притязавший на английский трон, встречался здесь со своими приверженцами, и здесь же в 1497 году корнуоллские повстанцы, руководимые лордом Одли, были разгромлены военачальниками Генриха VII. Больше ни один из притоков Темзы не имеет такой богатой истории мятежа и кровопролития.

²¹ Подстрочный перевод.

Реку Ли обессмертил Спенсер, который назвал ее “своенравной Ли, часто сбивающейся с пути”. Она действительно сильно петляет. Исток ее – близ Лутона в Бедфордшире, затем она направляется к Хертфорду и Уэру, далее течет мимо Амуэлла, где в свое время проходил также канал Нью-ривер, после чего минует Ходсдон, Чезант, Уолтем-Эбби, Энфилд, Эдмонтон, Тотнем, Стратфорд, Уолтемстоу и Боу; наконец, поблизости от Блэкуолла начинается последний ее участок, называемый Боу-крик. Реку Ли в свое время восхваляли за отменную рыбалку, и рыбак из “Искусного удильщика” Исаака Уолтона часто навещает ее берега и ночует в близлежащих гостиницах. Сейчас, однако, Ли – это прежде всего река восточных пригородов Лондона и промышленных зон, занявших место “вонючих производств” на ее берегах. Лейтон – это, как видно по самому названию, “город на реке Ли”. Между тем река связана с важными историческими событиями. Датские завоеватели поднялись вверх по ее течению от Блэкуолла и построили укрепление близ Уэра. Мост через Ли в Стратфорде, или Стратфорде-ле-Боу, был старейшим каменным мостом Англии, сооруженным на столетие раньше, чем Лондонский мост. Аббатство Уолтем стало местом упокоения последнего саксонского короля Англии, на надгробной плите которого выбита простая надпись: Harold infelix (Гарольд несчастливый).

Чируэлл – еще один приток Темзы – зарождается на богатых железной рудой холмах близ Хеллидона, после чего сорок миль до впадения в Темзу течет через Нортгемптоншир и Оксфордшир. Его иногда считают малозначительным ручьем, однако близ Иффли он повышает расход воды в Темзе примерно на треть.

Название реки Эффри происходит от кельтского слова *ufrid*, что означает “стремительный поток”, и в старину она начиналась в районе, который называется сейчас Кристал-Пэлис. Она протекает через Норвудское кладбище, Далидж, Херн-хилл, Брикстон и Кеннингтон и впадает в Темзу у моста Воксхолл. Любопытный символ ее былой значимости – следы деревянного строения, предположительно датируемые серединой Бронзового века, на южном берегу Темзы у места впадения Эффри. Во время отлива остатки деревянных столбов видны и поныне – но от самой Эффри мало что сохранилось. Она стала так называемой “подземной рекой”, давно уже погребенной под городскими зданиями; некоторые ее участки с XVII века использовались для канализационных нужд, и почти вся она сейчас превращена в коллектор ливневой канализации. Попасть в нее можно только через подземную систему стоков с улицы Эфффра-роуд в Брикстоне. Мистические силы покинули ее.

Но самым знаменитым из погребенных притоков следует признать Флит, который и ныне втекает в Темзу под мостом Блэкфрайерз. Проплывая под мостом на судне, можно увидеть круглое отверстие, сквозь которое изливаются его воды. Это единственный зримый знак погребенной мощи. Название скорее всего происходит от англосаксонского слова, означающего “эстуарий, подверженный приливам”, – как в названии городка Нортфлит. Но не исключено, что оно связано с быстротой (*fleetness*) течения этого притока, питавшегося источниками и ручьями к северу от Лондона. Их воды сливались воедино близ Кларкенуэлла, и оттуда вдоль Тернилл-стрит (этимология тут ясна²²) уже текла настоящая река, расширяясь у Холборна (от *old bougne*, что значит “старый ручей”), где был построен мост. Далее Флит втекал в спускающуюся к Темзе долину, очертания которой и сегодня различимы при взгляде на Фаррингдон-стрит, идущую вниз от Флит-стрит к Брайдуэллу.

В Средние века Флит широко использовался, большей частью – судами, привозившими уголь с северо-востока Англии. Одна из улочек, ответвляющихся от Фаррингдон-стрит, и сегодня называется Си-Коул-лейн (Угольный переулочек). Джон Стоу в своем “Обзоре Лондона” пишет, что “в минувшие времена ток воды, бегущей в Темзу под Олдборнским мостом в Лондоне, был столь широк и глубок, что десять, а то и двенадцать груженных судов могли подойти к упомянутому Флитскому мосту, а часть из них – к Олдборнскому мосту”. Что менее приятно,

²² Turn – вращать, mill – мельница.

Флит с самого начала также был для лондонцев обычным местом сброса мусора и экскрементов, и его периодически чистили. Большая чистка была устроена, к примеру, в 1502 году, так что после нее “рыбу и топливо подвозили на гребных лодках к Флитскому мосту”; но к концу XVI столетия река в некоторых своих частях опять стала зловонной сточной канавой, и ее берега считались местом нездоровым и даже опасным. Заключенные тюрьмы Флит (большей частью несостоятельные должники) подавали петиции, жалуясь на болезни и высокую смертность из-за ядовитых испарений. В 1732 году река была заложена кирпичом от Холборнского моста до Флит-стрит, и на этом месте устроили рынок. Тридцать три года спустя ее замуровали и на участке от Флит-стрит до впадения в Темзу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.